

О немецких трудовых лагерях, освобождении из плена и советской спецпроверке

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1485>

8 ноября 2012

Собеседник

Влодавец Игорь Николаевич

Ведущий

Формозов Николай Александрович

Дата записи

Беседа записана 8 ноября 2012 и опубликована 20 ноября 2017.

Введение

В шестой беседе химик Игорь Влодавец продолжает рассказ о пребывании в немецких трудовых лагерях для военнопленных. Игорь Николаевич рассказывает как был переводчиком в лагере, но после неверно переведенной команды гестапо, лишился этой условной «работы», был избит и посажен в карцер. Вместе с другими заключенными он придумал и использовал внутрिलाгерную систему обмена информацией, которая преимущественно содержала новости с фронта. Но, пожалуй, самая эмоциональная часть его рассказа — история о том, как сразу после окончания войны группа из нескольких тысяч заключенных была освобождена, искала «своих» в Праге и проходила спецпроверку на станции Опухлики.

Игорь Николаевич Влодавец: Я чувствую себя несколько неловко, что не могу ответить на ваш главный вопрос: когда же были лучшие условия для развития науки?

Николай Формозов: Почему же неловко. Просто интересно, в чем разница. Но вы же не работали в те времена? В те времена, когда работал ваш отец?

И.В.: Ну, как сказать. Дистанция не такая уж большая. Мой отец свои работы по нефелину примерно в конце 20-х годов провел. И, собственно говоря, в лабораторных условиях он все сделал быстро очень. Потом, когда уже вращающиеся печи... нужно было ползаводские установки создавать. Это все требовало организации серьезной, финансирования и так далее. Но я уже тогда, в общем-то, разобрался.

Н.Ф.: Вы рассказывали, что неоднократно сталкивались с этим. Надо будет над этим подумать. Это важный очень вопрос, принципиальный вопрос. Даже не столько науки, сколько воплощения открытия в производстве.

И.В.: Ну, во-первых, открытие — это слишком громкое слово.

Н.Ф.: Технологический процесс открыт же был.

И.В.: Все элементы его были известны, в общем-то.

Н.Ф.: Но никто до него из нефелина не получал...

И.В.: Никто не получал.

Н.Ф.: Причем, безотходное производство не было известно.

И.В.: Да. Собственно, только безотходность и спасает этот процесс. Окиси алюминия в нефелине значительно меньше, чем в бокситах, поэтому тратить нефелин только на изготовление окиси алюминия — слишком дорого обойдется. И отец мой, собственно говоря, основная его идея — безотходное производство. Я не знаю, где эта статья, не подготовился я.

Н.Ф.: Ничего, я же неожиданно. Не последний раз с вами встречаемся, потому что жизнь у вас очень долгая.

И.В.: Это все есть.

О лагере под Винницей

Н.Ф.: Вы знаете, меня прошлая наша долгая беседа — мы говорили почти шесть часов в прошлый раз — совершенно поразила. Конечно, то, что вы рассказываете, я где-то читал, слышал. Про лагерь под Винницей я слышал. Но представить, что я повстречаюсь с человеком, который был очевидцем, не мог. Тем более сейчас, через семьдесят лет, — это невероятно совершенно. Я рассказал Дмитрию Борисовичу [Спорову], как у вас сложилась судьба. Он был тоже поражен. И я хотел бы немного вернуться и чуть-чуть подробнее об этом лагере под Винницей.

И.В.: Под Винницей?

Н.Ф.: Меня интересуют два вопроса. Вы, конечно, там недолго были, но там вполне могли быть знаменитые люди. Не только Власов, который где-то дефилировал вдоль проволоки и жил отдельно. Но и в бараке кто-то мог называть вам, что это генерал такой-то, генерал такой-то. Кого вы еще там помните, кроме Власова?

И.В.: Собственно, никого более. Вот единственно, был так называемый комендант в этом лагере. Тоже, значит, бывший военнопленный, который нам все расхваливал немецкие порядки. Это он же, собственно, нам и рассказал, что тут живет генерал Власов, который совсем недавно... он, по-моему, в июле месяце попал в плен, 42-го года. Буквально недели за две до меня.

Н.Ф.: Как звали этого коменданта?

И.В.: Как его звали, я до сих пор не пойму. Немцы его звали Захаров. Но это может быть просто такое произношение фамилии Захаров, а может быть его фамилия была Сахаров. Потому что по-немецки это будет звучать примерно так.

Н.Ф.: Как «з». Да-да, понятно.

И.В.: Он рассказывал, что, дескать, попал в плен в самые первые дни войны, и с самого начала со мной очень корректно обращались немцы.

Н.Ф.: Он был генерал? Полковник?

И.В.: Не знаю. Там он был в штатском. И он сказал, что немцы с первых же недель оккупационного режима дали ему работу по специальности.

Н.Ф.: Комендантом лагеря?

И.В.: Нет, не комендантом лагеря. Конечно, все спросили: «А кто же вы по специальности?» — «А я преподаватель основ марксизма-ленинизма». Это еще более непонятно. Как это немцы, оккупировав Минск, в Минске же предоставили ему работу по специальности. «Я, — говорит, — свободно ходил по городу... меня наняли преподавателем основ марксизма-ленинизма на курсы разведчиков». Потому что считалось, что немецким разведчикам надо, так сказать, быть...

Н.Ф.: Подкованными.

И.В.: Да, по этой идеологии, чтобы, так сказать, не попасть впросак. Поэтому они изучали краткий курс (*смеется*). Этот Захаров, кажется, он всего лишь майор был, военные его звали. Но я не ручаюсь. Вот так он нам рассказывал.

Н.Ф.: Интересно.

И.В.: И он же говорил, что генерал Власов теперь ведет переговоры с немецким командованием. Известно, чем они кончились. Власову дали именно район Карлсбада, дескать, вот формируй там свои воинские, военные части, эту пресловутую РОА — Русскую освободительную армию.

Н.Ф.: А вот еще очень интересный момент: у вас было помещение, где выступали с лекциями о большевизме...

И.В.: Нет, не в помещении. Это было просто на свежем воздухе. В августе месяце было достаточно тепло в Виннице.

Н.Ф.: И вы садились как-то кругом или какие-то были скамейки, как это было?

И.В.: По-моему, какие-то скамейки были, да. В общем, как-то рассаживались. А может, просто на земле садились. Сейчас уже не припомню.

Н.Ф.: Можно было уклониться от этих лекций?

И.В.: Конечно.

Н.Ф.: Свободно, да? То есть не сгоняли на них.

И.В.: Нет, не сгоняли.

Н.Ф.: Работы не было, не заставляли работать?

И.В.: Там не было. За исключением того, что некоторых военнопленных прикрепляли в качестве денщиков к генералам. И в их обязанности входило ходить за баландой.

Н.Ф.: Да-да, это я помню.

И.В.: Ну и вероятно, им несколько больше порций самим удавалось получить. *(Смеются.)*

Н.Ф.: Они не объедали генералов по дороге, интересно?

И.В.: Не знаю, все может быть. Но, так или иначе, они без особых претензий исполняли свои обязанности.

Н.Ф.: А у генералов была своя норма жиров и белков?

И.В.: Вот чего не знаю, того не знаю.

Н.Ф.: Не оповещали об этом. Понятно. А не помните ли вы каких-то тем, о чем там рассказывали? Потому что, видимо, разные лекторы какие-то разные темы затрагивали. Что-то, может быть, вас поразило, затронуло, задело?

И.В.: Да нет, особенного не было. Там было что-то такое об организации воспитания молодежи у немцев.

Н.Ф.: У немцев?

И.В.: У немцев, да.

Н.Ф.: И вроде как наши с критикой большевизма там выступали. Наши военнопленные? Позволялось публике, другим, выступить с ответом, вступить с ними в полемику?

И.В.: Было, да. Poleмика была.

Н.Ф.: А темы, что тогда вызывали полемику, столкновения? Кто что говорил, это не запомнилось вам?

И.В.: Нет, не запомнилось. В общем-то, специальных, так сказать, лекций... были, конечно, которые носили характер лекций. Но так, чтобы это было очень официально кем-то организованное — трудно сказать.

Н.Ф.: Мне показалось очень драматичным, что, хотя все пленники, сталкиваются мнения, и люди не боятся, несмотря на присутствие немцев, спорить с докладчиками. Меня это сильно поразило.

И.В.: Не знаю, в общем, как к этому отнестись. Я там был действительно немного, только несколько дней. В винницком лагере. Этот лагерь был же при ставке верховного главнокомандования, Гитлер там сидел где-то...

Н.Ф.: Недалеко где-то находился. Разве несколько дней получилось? Вас когда отправили в Чехословакию, в Богемию? Там же было написание номеров на бумажках. Это там происходило?

И.В.: Написание номеров на бумажках было в Майерхёфене, недалеко от Карлсбада. В Чехословакии это уже был, конечно, сентябрь. А в Виннице середина августа была. Оттуда нас отвезли в Хаммельбург, это шталаг 13D. Я не знаю, есть какой-то совет по делам военнопленных бывших, что-то в этом духе, в Совете ветеранов московском. Они там считают самым главным лагерем военнопленных какой-то Штукенброк. Я не знаю такого. Знаю только, что для советских офицеров был специальный Хаммельбург.

Н.Ф.: В Виннице.

И.В.: В Виннице — это вообще небольшой такой лагерь, куда доставляли тех пленных, которые почему-то заинтересовали верховное главнокомандование.

Н.Ф.: Вас особо не допрашивали в Виннице?

И.В.: Допрашивали. Но очень быстро... сотрудник, очевидно, штаба был.

Н.Ф.: По-русски допрашивал или по-немецки?

И.В.: По-немецки допрашивал. У меня же была сопроводительная, меня еще где-то в районе Екатериновки... там почему-то химиков не пускали разговаривать — военных. А вместо химиков некого Kogazt'a заставили допрашивать. Тому, видно, очень не хотелось выколачивать из русского пленного какие-то военные тайны и еще чего-то.

Он допрос устроил в какой-то усадьбе, в саду фруктовом.

Н.Ф.: Я помню, вы рассказывали, что он поставил вам незаслуженно четверку по математике и физике, не задав ни одного вопроса. Нахал такой. Ни одного вопроса, а ставит четверку. И пятерку по химии и немецкому. Немецкий ваш оценил высоко.

И.В.: Да. Но при этом, когда он протоколировал мои ответы, то старался, так сказать, представить меня более лояльным по отношению к немцам и более враждебным по отношению к большевикам. Хотя я никакой враждебности, конечно, не проявлял. Ну, например, он задал вопрос: «Где ваши родители?» Я ответил, что родители мои эвакуированы на Урал. По-немецки использовал слово «эвакуировать», полагая, что это международное слово, всем понятное. Действительно, есть такое слово в немецком языке, оно употребляется в смысле «откачанный». То есть когда вакуум создают, допустим, лампу делают, то ее эвакуируют. А вот в таком контексте, что моих родителей эвакуировали, этот Korarzt не понял или сделал вид, что не понял, и решил меня поправить: «Verschleppt?» A verschleppt — значит сослан. Совсем другое. Получается, что родители мои сосланы. По-моему, он так и записал.

Н.Ф.: Вы не стали опровергать его? Не знали этого слова?

И.В.: Не знал слова verschleppt, но понял, конечно.

Н.Ф.: Наверное, он хотел вам помочь?

И.В.: Хотел мне помочь, да, совершенно верно. И представить, что я тоже жертва большевизма.

Н.Ф.: Обезопасить вас таким образом. Значит, из Хаммельбурга вы попали в Майерхёфен, а из Майерхёфена уже в Дальвиц?

Майерхёфен и Дальвиц

И.В.: Это все рядом. В Майерхёфене интересная деталь, кстати, для меня была интересной впоследствии. Я уже говорил, по-моему, что там мы рыли траншею для прокладки телефонного кабеля и нашли осколки посуды, какие-то сервизы, на которых было написано «20 лет РКК», по-русски. Значит, там заказы эти выполнялись. Сам я там проработал, не знаю, неделю или, может быть, две. Там тот опрос был, записочки эти. Когда еще унтер, который их раздавал, проходя мимо меня, сказал: «Тебе, наверное, вообще не нужна никакая записка».

Н.Ф.: То есть вы уже себя проявили как нелояльный в чем-то.

И.В.: Я говорил все как есть. Как я считал. И меня счел, почему-то, недостреленным большевиком этот унтер. Ну, начальству виднее, поскольку при всем при том на меня была накладная, что обращаться со мной хорошо надо. Хорошо, так хорошо. Так или иначе, из этой среды, из тех, кто выразил согласие бороться с оружием в руках против большевизма — их отдельно собрали, всем было видно, что это именно они — и из их среды нужно было выбрать коменданта, полицейского, переводчика и повара. Чтобы все, так сказать, ключевые позиции были именно из числа этих граждан. Но меня поставили работать (разные рабочие места на этой фабрике были) в этот Formgießerei, кажется на этом именно мы и остановились.

Так вот в этом Formgießerei я отливал... учился, по правде говоря, отливать с моделей формы для отлива разных фарфоровых изделий. Изготавливают суспензию, каолин, полевой шпат, тонко измельченный кварц, кварцевый песок. Такая фарфоровая смесь диспергируется в воде. Один из методов отливки — в гипсовую форму заливается все. Воду постепенно, так сказать, гипс поглощает, по-видимому. Потом форму разбирают, и там уже сформованное изделие. Обычно эти же формы, по-моему, относят в печь, где и обжигают, получают уже готовый фарфор. Так вот когда я занимался отливом этих форм, неожиданно

пришел хозяин этой фабрики герр Майер. Он заинтересовался мной, ему сказали, что вот, дескать, этот хорошо по-немецки разговаривает. И он стал говорить, интересоваться, кто я, что кончал. Его заинтересовало, что я кончал Университет московский. Когда узнал, что я кончал именно химический факультет, то очень обрадовался, сказал: «Да, я знаю, я был в Москве не так давно, в 40-м году».

40-й год — это уже после пакта Молотова-Риббентропа. Тогда действительно очень много немецких делегаций всякого рода приезжало в Москву. И он рассказал: «Я был в Академии наук на Большой Калужской улице». Так он ее, значит, запомнил. По-видимому, он был как раз в коллоидном электрохимическом институте. Потому что, он сказал, там тоже занимаются суспензиями каолина и процессами получения керамики, что мне бы нужно было тоже, я хотел бы завести у себя лабораторию такую, химическую лабораторию. Я постараюсь такую лабораторию создать, так что вы сможете тогда поработать, мне нужны химики. Но ему, по-видимому, не разрешили такую лабораторию (*смеется*)...

Н.Ф.: Может, к счастью для вас...

И.В.: Может быть, к счастью для меня, да.

Н.Ф.: А потом, вы уже говорили, как переехали на новый фарфоровый завод, где были два антифашиста.

И.В.: А, да. Их было больше там, на самом деле. Но два антифашиста Фогель и Попп. Я рассказывал о том, как Фогель остался в нашем помещении, в нашем лагере для военнопленных со мной наедине под тем предлогом, что ему нужно проводку проверить, которую они делали. Где он, значит, решительно заявил: «Hitler muß weg*». Я не стал думать, что здесь какая-то провокация. Мне ситуация казалась такой, что какой смысл тут устраивать провокацию. Тем более, что он очень скоро доказал, организовав побег Полуэктова Виктора.

* Гитлер должен уйти (нем.).

О распространении информации в лагере

А потом у нас вообще было все очень хорошо налажено. Я еще в Хаммельбурге понял, как важно иметь более-менее достоверные источники информации. Когда меня эти сапожники так называемые, среди которых было большинство убежденных все-таки коммунистов, по-видимому, узнав, что я недавно попал в плен, меня допрашивали, дескать, правда ли что советские войска уже под Варшавой? Это было осенью 42-го года как-никак. И были страшно разочарованы, когда я им сказал, что ничего подобного, сейчас линия фронта проходит по Волге.

Н.Ф.: Да, они не верили вам.

И.В.: Они не верили, косо на меня смотрели. «Смотри, — говорили, — неужели ты не врешь? А то мы видели много тут таких молодых интеллигентных ребят, которые, спасая свою шкуру, подлаживаются к немцам и говорят только то, что немцы им твердят». Я говорю: «Нет, я не подлаживаюсь ни под кого, но вынужден вам сообщить, что сейчас бои идут в предгорьях Кавказа, бои идут под Сталинградом, идут под Воронежем». Поэтому, обдумывая ситуацию, я решил, что самое главное — это наладить информацию. И у нас это было налажено очень хорошо, по-моему. Особенно потом. Полуэктов убежал благополучно. А потом на его место, в эту мастерскую к Фогелю и Поппу такого летчика Иванова Ивана Павловича поставили. Иванов обязан был каждое утро, начало работы, обходить все механизмы на фабрике, требующие смазки. Он ходил с канистрой, полной смазки, и с приспособлением для заряда смазочных узлов. Обходил всю фабрику и везде смазкой заливал эти устройства.

Меня тогда уже перевели работать в Masse Keller. Это был подвал, где тогда работало нас четверо пленных. Солдаты, которые время от времени контролировали, проверяли, все ли на месте, обычно в этот подвал даже ленились спускаться. Они сверху, с первого этажа к лифту подходили. Там был лифт для этой массы. Требовали, чтобы мы все четверо подошли к лифту. Мы показывались, они считали: «Ein, zwei, drei, vier» — и этим удовлетворялись. Вниз они даже не спускались. А Иванов спускался к нам по этому лифту.

Он вызывал лифт, спускался на этаж ниже в подвал, вытаскивал из пилотки свернутую записку, которую писал Попп обычно. Попп записывал краткое содержание последней сводки от Советского информбюро. Он слушал передачи советского радио, правда, и Би-би-си он тоже слушал. И то, и другое было на немецком языке, и он как мог выделял главное и сообщал нам. Поэтому мы ежедневно имели...

Н.Ф.: И вы переводили Иванову, Иванов уже всем мог это распространять.

И.В.: Совершенно верно. Переводили Иванову. Во-первых, мы четверо уже получали информацию. Сжигали тут же на спичке эту записку, чтобы никаких следов не было. А Иванов потом ходил по фабрике и везде, где работали пленные, сообщал последние известия. Это один был источник информации.

Н.Ф.: Сколько было лет примерно Иванову, он старше вас был? Какого он примерно года рождения?

И.В.: Точно боюсь вам сказать. Наверное, не старше 15-го года. Точно не знаю. У меня где-то был адрес его, но с ним как раз почему-то так получилось, что я не переписывался. Со многими пленными бывшими, когда уже вернулись мы по домам, я переписывался. Многие приезжали к нам в Москве.

Н.Ф.: А вот эти четверо, которые с вами были в подвале, вы помните их?

И.В.: Да. Это Василий Иванович Поповичев. С ним я сравнительно недавно встречался, он приезжал к своей внучке в Москву. Внучка его в Зеленограде живет. Он к нам заходил. Ну, как недавно, тогда еще мой сын жив был, он умер в 2004-м году.

Н.Ф.: То есть до 2004-го значит.

И.В.: Да. Но он и после 2004-го еще раз приезжал. Но уже Сережи не было. Вот это мой сын сочинял.

Н.Ф.: О! Здорово. Это все его полка.

И.В.: Это все его полка, да. На самом деле тут, может быть, есть некоторые повторные издания, но, во всяком случае, он работал много.

Н.Ф.: А какого рода, в основном, сочинения?

И.В.: Приключенческие (*достаёт книгу*). Еще были страшилки.

Н.Ф.: Это уже в перестройку он стал писать? Или и раньше?

И.В.: Какой тут год издания?

Н.Ф.: Видно по типу издания, что это уже 2000-е, конец 90-х. Это 2000-й.

И.В.: Правда, он заболел раком... Вот кстати, страшилки. Там какая-то Ольга Вячеславовна была редакторша. Значит, стал писать страшилки, я слышал, он по телефону разговаривает с этой редакторшей. Причем, разговаривает, как мне показалось, в несвойственном ему грубоватом тоне. Он послушал, как что-то такое ему рекомендуют, а потом говорит: «Ольга Вячеславовна, вы так хорошо мне рассказали, как нужно переделать эту страшилку. Вот вы ее и переделывайте. Я не буду переделывать, потому что не успею кончить мою большую книжку».

Н.Ф.: Из этого вы заключили, что дело не очень хорошо.

И.В.: Я тогда был в недоумении, но потом моя внучка Катя, сестра Маргариты, Катерина Леонидовна, попросила меня прочитать, познакомиться с какой-то брошюрой. Дала брошюру, автор которой рекомендовал в случаях неоперабельного рака лечить его просто, по-моему, каким-то раствором растительного масла в водке. И уверял, что растительное масло как антиоксидант действует и каким-то образом якобы может раковый процесс остановить. И Катерина дала понять, что она интересуется не просто так, а потому, что отец у нее болен. Он в 2004 году скончался.

Н.Ф.: Печально. Давайте вернемся к рассказу вашему.

И.В.: Да-да.

Н.Ф.: Там было четыре человека с вами внизу. Один из них был Поповичев и еще трое.

И.В.: Поповичев, да. Был еще такой Лопаткин и был Пати Алексей Григорьевич. Тот, вообще говоря, был ни больше, ни меньше, как начальник СМЕРШа одной из дивизий. И там однажды ему пришлось, так сказать, работать по специальности (*усмехается*). Нам из соседней команды прислали некоего Сайфиулина. А кто-то у нас уже был, кого раньше перевели из соседней команды в нашу. И он знал уже, что Сайфиулин, так сказать, поступил серьезно на службу к немцам. И что его заслали в нашу команду неспроста. Значит, какое-то задание получил. Но мы не знали, как быть и что делать. И Пати решил провести показательный процесс. Вечером, после ужина, когда уже вроде немцы особенно нами не интересовались, так сказать, он вызвал этого Сайфиулина в то помещение, где у нас главные были, где размещались пленные. Там были двухэтажные нары, в общем, большая часть команды вся там была. И устроил ему допрос.

Н.Ф.: В присутствии всех?

И.В.: В присутствии всех, да. И Сайфиулин во всем признавался. Но, правда, сначала говорил о том, что он, так сказать, рабоче-крестьянского происхождения, что он дослужился до командира, по-моему, командира батальона, который где-то в Прибалтике был дислоцирован и в первые дни войны попал в окружение, попал в плен. Потом рассказывал, как гестаповцы его вербовали. Уверял, что они его заставляли что-то такое доносить, что били его по пяткам — бамбуковыми палками почему-то. И он этого не выдерживал и вроде как соглашался. Что в той команде, из которой был переведен, они потребовали, чтоб он докладывал, кто собирается бежать. А потом с аналогичным заданием он был послан в нашу команду. Вот так. Мы все это выслушали, что дальше делать, было не очень ясно. Сайфиулин клялся и божился, что я сам буду вам рассказывать все, что от меня требуют гестаповцы.

Н.Ф.: Это какое время было?

И.В.: Это уже был 44-й год. Вот эти четверо. Да, другие источники информации. Мы с Василием Поповичевым... в наши обязанности входило в конце рабочего дня подниматься с тележкой на лифте в верхние этажи этого здания, оно называлось Dreiereihe (?). Там были гончарные станки, на которых посуда делалась: тарелки, миски, кружки и так далее. Мы должны были обходить все эти станки и собирать обрезки фарфоровой массы, чтобы они не пропадали. Мы их собирали, и она перерабатывалась опять снова. Мы добавляли их в свежую массу. В основном в Masse Keller стояли вальцы. На вальцах этих нужно было прокатывать массу, размешивать, чтобы она пластические свойства приобретала, чтобы из нее можно было формовать всякие изделия.

Так вот среди рабочих, которые работали в этой Dreiereihe, было много сочувствовавших советским военнопленным и вообще всем советским, по-видимому. Они спрашивали, не могут ли какую-то помощь нам оказать. Я попросил их выписывать газеты для меня. Они говорят: «Что за газеты мы можем выписывать? Фашистские газеты? Völkischer Beobachter?» Я говорю: «Давайте Völkischer Beobachter, давайте Karlsbaderzeitung». Еще какая-то газета была, которая там издавалась, где-то в центре этой Судетской области. Карлсбад официально не считался центром. Нужно было знать, что знают немцы. Не вся информация, так сказать, которой располагало советское радио или английское радио, попадала к немцам. С другой стороны, и немцы тоже старались проинформировать. Когда в 44-м году, по-моему, кажется, в июне месяце началось, наконец, вторжение — открылся второй фронт, перед этим в газетах публиковались, например, фотографии такие странные. «Армянские гренадеры на страже атлантического вала». Мы ломали голову, что это за армянские гренадеры? Откуда они взялись? И как они обороняют этот атлантический вал? Но, тем не менее, когда действительно англичане и американцы открыли второй фронт, в Нормандии высадили десанты, немецкие газеты, в частности та же Völkischer Beobachter, все вышли с аршинными заголовками: «Германия выиграла великую битву новостей». Оказывается, они так подали это, что немецкие органы информации, в том числе немецкие газеты, немецкое радио первыми сообщили о начале вторжения на континент англо-американских войск. Это такой хитрый

ход Геббельса был.

Н.Ф.: Довольно сомнительная победа. Потому что, конечно, их положение это сильно ухудшило. Чему тут радоваться?

И.В.: Естественно. Тем не менее, Германия выиграла «великую битву новостей». Как из поражения можно было сделать такую оптимистическую для фашистов резолюцию. Вот это был источник информации. Для меня выписывали газеты. И я в условленном месте в Dreiereihe этой каждый вечер газеты находил в тайнике и клал их себе, у нас было что-то вроде бахил, из плотной материи были сшиты такие носки. Я прямо в эти носки клал, под пятку себе. Даже когда гестапо обыскивало, они брезговали копаться в наших тряпках. Иногда приезжало гестапо, после, допустим, побегов каких-нибудь, других приключений. Один раз граф Мартышевский по морде заехал Ульману, мастеру-немцу, который на него набросился с кулаками, а он, обороняясь, его задел нечаянно. Но это мы так представили. Потом допрашивали его. Граф — это я рассказывал. Был у нас молодой парень, который восхищался картинами, на которых Венский конгресс изображался, который выяснил, что, оказывается, русские графы все имели фамилию на «ский». По его мнению.

Н.Ф.: Он этого Мартышевского считал графом, этот немец?

И.В.: Немец пришел к нам, в наше помещение, в лагерь. И со мной разговаривает по-немецки, рассказывает, какие он кинокартины видел. Рассказывает о том, что он выяснил такую интересную вещь, что российские графы, и не только российские, европейские многие, и австро-венгерские даже, имеют фамилии на «ский». Спросил, есть ли у вас кто-нибудь, кто имеет фамилию на «ский». Ну, я показал ему список. У меня как у переводчика был список всех наших военнопленных. Было два: Выговский и Мартышевский. Он потребовал: «А ну подать их сюда». Оба были перепуганы, естественно. Когда немцы зовут, чаще всего можно на побои нарваться или еще что-то такое. Ожидали они чего угодно, но тут, значит, вопрос такой, через меня: «Спроси его, он не граф?» (*Смеются.*) Я добросовестно перевожу на русский. У того глаза на лоб лезут, почему такой вопрос? Кстати, этот Мартышевский был единственный, кто у нас получил посылку через Красный Крест. Ему родичи, он сам из Западной Украины был родом, вот родичи прислали ему какой-то пляцек или что-то в этом духе. Такой кусок.

Были еще и другие источники информации. Но это было в начале, еще до того, как все налажено было. Вначале меня отправили работать в Packerei. Вообще-то это упаковочная, или экспедиция. Туда приезжали грузовики какой-то транспортной пражской фирмы, и мы грузили фарфор. Меня обычно ставили прямо на грузовик, и вроде конвейера: рабочие, работницы фабрики изготовленную и упакованную, подготовленную к отправке посуду пачками, переложенными стружкой древесной, Holzwolle, передавали друг другу. Последним я клал это на грузовик, аккуратно клал, перекладывал еще этой стружкой. И грузовик отправлялся в Прагу.

А шофером был голландец, такой Амт, который сначала присматривался ко мне, а потом тоже изложил все как на духу. Немцы из всех стран, где ступала нога немецкого солдата, практически из всей Западной Европы, набирали рабочих. Из Голландии тоже набрали. И отправили его в оккупированную Чехословакию, в Прагу, в одну фирму. В транспортную фирму как шофера. И Амт этот говорил, что к нему присматривался хозяин этой фирмы. А потом как-то вызвал к себе, чтобы наедине поговорить. Говорит: «Знаешь, я понял, что ты коммунист».

Н.Ф.: Хозяин?

И.В.: Хозяин, да. «Но ты не беспокойся. У меня работают только коммунисты. Я сам коммунист». У них, конечно, тоже было налажено слушание радио. Они же помогали в организации побегов. И была даже попытка, по-моему, какое-то восстание в Праге устроить.

Н.Ф.: Но это в самом конце войны.

И.В.: Нет, еще не в конце войны. Наоборот, 43-й год, там, по-моему, покушение было на Гейдриха. Это немецкий гауляйтер был, по-моему, в Праге*. Я боюсь соврать.

* С 1939 г. и вплоть до своей смерти в 1942 г. Р.Т.О. Гейдрих занимал пост заместителя имперского протектора Богемии и Моравии (1941—1942).

Н.Ф.: Игорь Николаевич, вы мне рассказывали, что когда вы ехали на подводе перед самым пленом вам два политрука, которые с вами были, сказали: «Пиши заявление».

И.В.: Да.

Н.Ф.: А вы успели его написать?

И.В.: Не успел.

Н.Ф.: Не успели. То есть они сказали: «Утром напишешь». А вечером вы разминулись и попали в плен.

И.В.: Да. В общем-то, все сложилось так, я потом уже все вспоминал: «Не думай о секундах свысока». Если б я десять секунд еще посидел за кустом в этой лесополосе, то может быть, все сложилось дальше по-иному. Я рассказывал, что вышел на дорогу проселочную, обругал себя, дескать, что ты трусишь. Где-то далеко слышно — это танки двигаются и машины двигаются в юго-восточном направлении. Тебе нужно не сидеть за кустом (это я так себя), а нужно скорей спешить, догнать своих.

Н.Ф.: Про эту историю вашего пленения вы рассказывали. Я помню хорошо, как это очень трагически, драматично произошло. Просто в секунды, которые решали дело.

Вернемся к Богемии. Система информации... значит, удалось через этого шофера Амта тоже получать информацию?

И.В.: Да. Он первый сообщил мне, и через меня всем нашим военнопленным...

Н.Ф.: Амт — это фамилия?

И.В.: По-видимому, фамилия.

Н.Ф.: Имени он не говорил?

И.В.: Так его звали, Амт. Боюсь, чтоб не соврать, может это и имя, кто его знает. Голландского языка я не знаю и имен тоже не знаю. Но вот его звали Амт. Он первый сообщил о том, что 6-я армия Паулюса под Сталинградом попала в окружение.

Н.Ф.: Это, конечно, была огромная радость, наверное.

И.В.: Да, конечно. Потом она была полностью пленена уже в феврале, к февралю, по-моему, 43-го года. Так что эту информацию он сообщал, пока я работал в этой Packerei, и пока нас обслуживала, так сказать, эта пражская фирма, где Амт работал. Кстати, машина у него грузовая была, боюсь, что трофейная. Она работала на газе, то есть на чурках. Там была такая печка.

Н.Ф.: То есть паровая фактически?

И.В.: Нет.

Н.Ф.: Если дерево, то пар там был?

И.В.: Нет, по-моему, не пар, все-таки. По-моему, все-таки не пар. Там сухая перегонка, но я точно не знаю как. В общем, деревянными чурками топили, использовали в качестве горючего. По-моему, там какое-то газообразное топливо получалось. И на этом газообразном топливе грузовик ездил.

Н.Ф.: А какая фирма, система не помните?

И.В.: Не помню.

Н.Ф.: Да, поразительно.

И.В.: Это вот было. Аналогичное нечто — источник информации — был в Нойдеке.

Н.Ф.: Уже после богемского завода.

И.В.: После богемского завода, но тоже в Богемии.

Н.Ф.: После Дальвица?

И.В.: Дальвиц — там фирма Epiag — Erste Böhmishe Porzellanindustrie Aktiengesellschaft — «Первое богемское акционерное общество фарфоровой промышленности». Рассказывали, что по легенде сам Гёте посещал эту фарфоровую фабрику когда-то и заказывал там фарфоровый сервиз.

Н.Ф.: А РКК в другом месте заказывало?

И.В.: РКК заказывало в Майерхёфене. Его хозяин — Майер, который хотел было использовать меня в качестве химика. А потом меня убрали из этой команды и вместе со мной еще десять человек, самых никудышных, по-видимому. И самый никудышный был я, потому что объявили, что переводчик должен разговаривать с пленными при помощи кулаков. Что я должен бить. Я сказал, что не умею, боксом не занимался и вообще не считаю, что это входит в обязанности переводчика. Ну, тогда меня...

Н.Ф.: А за что бить? За что именно?

И.В.: За любое упущение. В строю стоит во время проверки, что-нибудь там такое: не так повернулся, не так пошевелился, всяко бывает. Меня самого били не раз.

Н.Ф.: Немцы?

И.В.: Немцы, конечно, да.

Н.Ф.: А за какие провинности? Как это было?

И.В.: Одна из них была такая. По-моему, это как раз был побег Полуэктова. После побега приехало гестапо, нас обыскивали, искали всё. У нас посуда стояла в шкафчиках, индивидуальная, тоже все перерывали. Потом немцы вечером выстроили нас, решили еще раз проверку устроить. Выстроили, потом унтер дал команду: «Марш, марш». И оказалось, что я плохо знаю немецкий язык. Я перевел это как: «Шагом марш». А оказывается, надо было «бегом марш» — «марш, марш». Вот тут он на меня набросился.

Н.Ф.: Унтер?

И.В.: Унтер, да. Ударил кулаком в лицо. Я пошатнулся, упал тут же. Он меня ногами пинать начал. Потом поднял, еще раз ударил и отправил в карцер. Потом (это был конец рабочего дня) он дал понять, что нужно бежать. Отрядил несколько солдат из числа охранявших нас. Они резиновыми дубинками вооружились и начали подгонять. Тех, кто медленнее бежал, их били резиновыми дубинками. И всю нашу команду так вот гоняли по проходу между цехами фабрики этой фарфоровой.

Н.Ф.: Туда-сюда гоняли?

И.В.: Туда-сюда гоняли. А меня после этого посадили отдельно в карцер.

Н.Ф.: То есть вы не бегали уже? Или избитого еще заставили бегать?

И.В.: Да. После этого всех нас, в конце концов, согнали обратно в нашу конюшню, где наш лагерь был, и вытащили поваров наших. У нас наши повара были. Немцы решили, что им-то не досталось ничего. Они выгнали их из помещения и заставили подбирать нашу обувь. А у нас у всех были, как правило, деревянные колодки вместо обуви, типа голландских сабо*, знаете?

* Сабо — это французская деревянная обувь. Нидерландская называется кломпы.

Н.Ф.: Да-да.

И.В.: Но когда всех гоняли туда-сюда, эти деревяшки, значит, слетали с ног. Но подбирать было опасно, немец налетит с резиновой дубинкой и забьет как следует. Поэтому весь проход между корпусами

был завален этими колодками — деревяшками. Так вот поваров заставили собирать эти колодки и одного за другим загоняли в помещение. Они туда их впахивали, к нам, и у них эти колодки сыпались. А потом мы их разбирали, искали, где чьи колодки. Когда последнего повара таким образом впахнули, все как-то облегченно вздохнули и начали хохотать (*смеется*).

Н.Ф.: Даже вы? Будучи избитым?

И.В.: Даже я, будучи избитым, конечно. Но картину этого избияния видели рабочие и работницы, которые пожаловались своему директору, дескать, что ж это немцы свирепствуют.

Н.Ф.: Рабочую силу...

И.В.: Да, колотят, бьют. Но, правда, очень своеобразно они выражали огорчение: «Ну, как же это Игор не знал как правильно перевести „марш, марш“?». Это, так сказать, один случай, но были и другие, всякие. Я хотел сказать, что в Нойдеке, куда я попал уже в 44-м году...

Н.Ф.: Нет, еще про Дальвиц. Сколько всего было побегов? Потому что вы рассказывали в прошлый раз, что была хорошо налаженная система, о которой вы уже узнали в фильтрационном лагере.

И.В.: Да, да. Подробности-то мне рассказал последний из сбежавших. Последним бежал как раз Иванов. Он-то сам работал с Фогелем и Поппом, тоже помогал чем мог, во всех побегах. Поэтому он был в курсе дела. Там была такая каморка...

Н.Ф.: Это вы рассказывали. А сколько всего побегов было? По несколько человек бежали?

И.В.: И по несколько человек бежали, да. Ну, наверное, пять или шесть все-таки было побегов. Но, честно говоря, мне казалось, что только с отчаяния можно сбежать. Представляете себе, 43-й год, фронт под Сталинградом.

Н.Ф.: Да, далеко.

И.В.: Тем более что среди пленных ходили определенные слухи: чехи, они друг другу передают пленных, от одного пункта до другого, у них все налажено, а поляки могут выдать тут же.

Н.Ф.: Не доверяли, понятно.

И.В.: Ненадежные были.

Н.Ф.: Да, там сложная ситуация политическая.

И.В.: Там Армия Крайова, Армия Народова. Я до сих пор не разбираюсь, какая из них наша, какая английская. С поляками там еще такая история была — трагикомическая. Betriebsleiter — это, можно сказать, завпроизводством на фарфоровой фабрике в Дальвице был крайне недоволен производительностью труда советских военнопленных. Работали они из-под палки, конечно, и работали плохо. У нас было такое между собой условие поставлено, что советский военнопленный должен выработать не больше пятидесяти процентов нормы немецкого рабочего. Вот так постановили. И грозились даже, что, дескать, если будете работать больше, мы вас баланды будем лишать.

Так вот этот Betriebsleiter однажды узнал, что по его заявке решили осчастливить эту фабрику в Дальвице и пришлют свежую партию польских рабочих. Настоящих гражданских рабочих. И он нам объяснял это с радостной улыбкой, что рабочие приедут, они покажут, как надо работать. Надо было видеть физиономию этого Betriebsleiter'a, когда он их увидел. Целый вагон пригнали, и из него высыпали польские рабочие. Это были все мальчишки лет пятнадцати — шестнадцати. Ободранные польские беспризорники, в общем (*усмехается*), кого немцы ухитрились поймать, изловить и отправить в качестве рабочих на эту фарфоровую фабрику. Причем у нас были, например, определенные правила. Скажем, ни в коем случае не трогать никакого имущества, принадлежащего немецким рабочим. А эти польские ребята, польские беспризорники, таких, так сказать, изысканных моральных принципов не знали.

Н.Ф.: А почему это было связано с немецкими рабочими?

И.В.: Рабочая солидарность! Большинство пленных работало вместе с немецкими рабочими.

Н.Ф.: А в Дальвице работали только русские офицеры или солдаты тоже были? Или большинство офицеров?

И.В.: Официально те, кто считались офицерами.

Н.Ф.: Некоторые приписали себе...

И.В.: Были, кто считал, что если мы будем офицерами, лучше будет. Были и такие, которые наоборот считали, что хуже будет.

Н.Ф.: Скажите, пожалуйста, а паек в офицерских лагерях и в солдатских лагерях различался?

И.В.: Не знаю. Просто не знаю.

Н.Ф.: А вот эта странная норма — семь грамм и сто тридцать пять тысячных?

И.В.: Это очень просто. Недельная норма пятьдесят грамм. Если вы разделите на семь, то получится семь целых и четырнадцать, примерно, сотых. Ну, они округляли: 7,135.

Н.Ф.: А она выполнялась?

И.В.: Выполнялась. Маргарин, мармелад тоже стали давать. Раньше не давали, а тут стали давать каждому.

Н.Ф.: Сверх маргарина.

И.В.: Да. Тоже 7,135. Но это на самом деле норма: пятьдесят грамм в неделю.

Н.Ф.: Понятно. Я гадал сегодня, откуда эта цифра взялась? Может, в какие-то унции переводят? Но у немцев, вроде, унций не было.

И.В.: Нет. Это проще. Решили свою дотошность проявить. Но у нас, конечно, только матерились все. Осчастливили. Приравняли советских военнопленных в отношении снабжения к другим военнопленным европейцам.

Н.Ф.: Вы говорили, что был какой-то конфликт с начальством, что вы плохо переводите, что в этом убедились и другие члены вашей команды, которые вас рекомендовали, чтобы свой был переводчиком. Что вы плохой переводчик? Несмотря на пятерку по немецкому, которую вам поставил тот доктор в свое время.

И.В.: И пятерки, которые, в общем-то, я здесь в свое время получал. Разговорному немецкому языку мы плохо обучались, конечно. Главным образом сдавали страницы. Страницы читать я мог, конечно.

Нойдек

Н. Ф.: Для перевода в Нойдек была какая-то конкретная причина?

И. В.: Конкретно я отказался бить морды своим коллегам. Меня тогда тоже решили изолировать. Но к тому времени уже многие из наших очень прилично научились разговаривать даже на Helgoländer dialekt*. Ну, Ивана Павловича Анисимова сделали переводчиком. А меня разжаловали из переводчиков и отправили в Нойдек. Там была Metallwerk, фирма Albert Wildfang*. У нас какой-то министр есть с похожей фамилией.

* Гельголандский диалект фризского языка.

** Полное название компании — Wildfang Metallwerke G.m.b.H.

Н.Ф.: Я не знаю.

И.В.: Да? Немцы рассказывали, что он тоже был пролетарского происхождения, этот Альберт Вильдфанг. У него была потом, он организовал... он был жестянщик и организовал мастерскую. Постепенно она разрослась, у него была фирма, акционерное общество. Акционерное общество он возглавлял, этот Альберт Вильдфанг. У него были филиалы, кроме Чехословакии, и в Западной Германии, в Гельзенкирхене. И когда уже американцы и англичане открыли второй фронт и подошли к Западной Германии, то из Гельзенкирхена эвакуировали рабочих этой фирмы Albert Wildfang в тот же Нойдек.

В Нойдеке были всякие странности. Например, нас, группу советских военнопленных, которых из Дальвица перевели в Нойдек, использовали главным образом для уборки двора. Мы ходили с метлами под гору, расчищали там железнодорожные колеи, чтобы в порядке были. С пиками специальными ходили, уже в зимнее время... такая канавка была, по которой подводилась вода. Маленькая электростанция и ручей и турбинка была поставлена. Зимой там образовывался донный лед. Так вот наша задача была этот донный лед своевременно выковыривать и удалять, расчищать русло этого ручейка. Потом мы грузили разные грузы, допустим, приезжали какие-то платформы, нужно было что-то погрузить, какой-нибудь песок, золу, что-нибудь такое.

Работали мы под охраной, там уже были не солдаты, а были местная охрана, заводская. У них была своя заводская форма, они не в Feldgrau, немецкой военной форме были, а черные — заводской охраны. Были там у нас и солдаты, конечно. Они под расписку сдавали этим, и те охраняли. И мы под охраной заводских, заводской охраны, работаем, грузим какую-то платформу и вдруг слышим песню. Удивительно, поют на русском языке: «Вейся знамя коммунизма над страной рабочих масс». Есть такая песенка. «Наша школа, школа фронтовая, комсостав стране своей кует», что-то такое. В общем, такая вот песенка. И это все по-русски, громогласно поют где-то за стенами завода, на улице в городке Нойдеке. Что такое? Потом выяснилось, что какая-то немецкая часть, автотранспортная часть, которая воевала в Югославии, получила сильный, так сказать, удар со стороны партизан Тито. И пришлось им эвакуироваться из Югославии. Эвакуировались они в Нойдек. Главным образом, она была укомплектована советскими же военнопленными.

Н.Ф.: Немецкая часть?

И.В.: Немецкая часть, да.

Н.Ф.: Это власовцы были?

И.В.: Это были не власовцы, это другое.

Н.Ф.: Казаки красновские? Казачьи части?

И.В.: Нет, это были немецкие части, но укомплектованы русскими военнопленными — шоферня. Я вам рассказывал, что они часто использовали шоферов.

Н.Ф.: Да, даже еще с лозунгом.

И.В.: С лозунгом «Смерть фашистским оккупантам». Но тут, не знаю, на каких машинах они устраивались. Во всяком случае, была такая часть.

Н.Ф.: И пели такую песню?

И.В.: Да, в Нойдек приехали и тут пели такую песню. Официально вполне разрешено было. Я вам рассказывал, что и в Хаммельбурге пели тоже. «Пусть враги, как голодные волки, / У границ оставляют следы. / Не видать им красавицы-Волги, / И не пить им из Волги воды...» Дело в том, что официально было разрешено петь. У немцев, кроме всего прочего, есть некий сентиментальный обычай. У них есть поговорка: Wo singt Man, legt sich ruhig nieder. Die schlechte Leute haben keine Lieder (Там, где поют, можешь спокойно ложиться. Плохие люди не поют песен). Поэтому петь можно все, что угодно. Все солдатские песни, фронтовые и военные, вообще, какие угодно разрешено было петь. За исключением только

интернационала. Интернационал немцы знали, естественно.

Н.Ф.: Но нельзя было петь?

И.В.: Нельзя было, это было запрещено. Все остальное — пожалуйста.

Н.Ф.: «Вставай страна огромная...» — пожалуйста.

И.В.: Пожалуйста, сколько угодно. Эти ребята, которых привезли в Нойдек, знали, что в Нойдеке работают и советские военнопленные. Работали там французские военнопленные и освобожденные французские военнопленные. И французские добровольные рабочие, которых пригнали взамен освобожденных французских военнопленных. Ну, и русские, и украинские рабочие, которых угнали в Германию на работу. По-видимому, они таким образом пытались привлечь к себе внимание и завязать контакты. Мы видели потом, когда маршировала эта колонна, — командиры все немцы. Начиная от командира отделения и выше, очевидно. Рядовые все — наши советские люди. Это был немецкий автобат, который воевал в Югославии с югославскими партизанами. Да, так вот в этом Нойдеке столовая для военнопленных была, для советских военнопленных. Рядом столовая для французских военнопленных. Рядом столовая для советских граждан, которые числились гражданскими рабочими. И там можно было переговариваться. И у меня нашелся там постоянный информатор, француз Жорж Гренез, с которым мы, так сказать, подружились по-настоящему. Он мне каждый день сводки...

Н.Ф.: На немецком или на французском поставлял вам? У вас же основной язык был немецкий все-таки.

И.В.: Немецкий, да. По-немецки мы с ним. Они вынуждены тоже были по-немецки разговаривать, поэтому кое-как знали. Пытался я изучить и французский язык с его помощью. Он мне подарил немецко-французский словарь, который у него был, и я кое-какие фразы уже знал.

Н.Ф.: Там вас было десять человек из Дальвица только?

И.В.: Были еще из каких-то других команд, тоже туда присланы.

Н.Ф.: Но старых знакомых?

И.В.: Старых знакомых примерно десять человек. Остальные были незнакомые, познакомились там тоже. Так вот этот Жорж Гренез объяснил, что он работал в Нормандии в городе Сен-Назер, по профессии он повар, *cuisinier*. И работал он поваром у графа де Сен-Назер, не более, не менее. Притом он был правоверный католик. На груди у него болтались такие ладанки на цепочке, маленькие серебряные иконочки. Мне тоже, кстати, такие достались. Наши гимнастерки изнашивались довольно быстро, и нам запасливые немцы из каких-то своих резервов, которые созданы были, по-видимому, еще в предшествующие войны, начиная чуть не с франко-прусской войны... Мне какие-то обноски, по-моему, бельгийского кавалериста какого-то достались. И у него тоже были ладанки вшиты прямо в гимнастерку.

Н.Ф.: Не сохранились они у вас?

И.В.: Нет, нет, не сохранились. Он был католик, но объявлял, что он и коммунист. Он был членом компартии. Среди французских военнопленных были и испанцы, и французы, которые воевали в Испании в интербригадах. Они тоже, значит, с нами общались охотно.

Н.Ф.: Имен их вы не помните? Забылись имена?

И.В.: Забылись. Вот Жоржа Гренеца, конечно, я запомнил. Потому что мы ежедневно с ним встречались, и он мне ежедневно сообщал новости. Должен сказать, что в Нойдеке немцы стали проявлять... Мало того, что этот 7,135 — якобы нормы уравнили. Там нам показали спектакли самодеятельности из русских и украинских рабочих. Поставили, забыл автора, пьесу «Сватання на Гончарівці». Я забыл, кто автор.

Н.Ф.: Сватанье?

И.В.: «Сватання на Гончарівці»*. Украинская пьеса, какой-то украинский автор. Так это звучало по крайней мере. На украинском языке была пьеса и самодеятельность украинских рабочих, которые работали в Нойдеке.

* «Сватання на Гончаровке» — пьеса Г.Ф. Квитки-Основьяненко (1778—1843).

Н.Ф.: А были случаи, что кто-то из вашего окружения, из ваших знакомых попадал в штрафные лагеря? Типа Заксенхаузена, Маутхаузена?

И.В.: Возможно, попадали. Но те, кто туда попадал, обратно к нам не возвращались. Но через лагерь Вайден иногда какие-то слухи просачивались. С французами у нас, конечно, были, как правило, хорошие очень отношения. Они с удовольствием пели советские песни тоже.

Н.Ф.: Они их переделывали на французский или как-то на русском пытались петь?

И.В.: По-всякому бывало. Бывало и так, и так. Иногда знали слова. Но чаще всего, конечно, только мотив, а слова они по-французски пели. В Нойдеке мы пробыли до середины апреля 45-го года.

Окончание войны

Н. Ф.: То есть фактически до конца войны?

И. В.: Да, почти. Потом немцы нас построили и пешком отправили эвакуироваться.

Н. Ф.: В глубь Германии?

И. В.: Не совсем так. Ввели они нас по западным границам Чехословакии и по направлению к городу Айзенштайн. Айзенштайн — это в Австрии. На стыке, собственно говоря, границ Богемии, Баварии и собственно Австрии. В этом Айзенштайне был Ernichzunlager (?). Нам чехи рассказывали, которые нас освободили, что там стояли эшелоны, набитые трупами советских военнопленных. Просто пригоняли эшелон, грузили, потом пускали газ, душили.

Н. Ф.: То есть вы туда не дошли.

И. В.: Мы не дошли четырнадцать примерно километров. Выручили нас американские танки, которые перерезали немцам дорогу, и те нас отвели в глубь чешской территории. Деревня, которая называется Немилков, Немелкау. Там нас расквартировали, в сарае, местные. Мы там жили на сене. Хозяева чехи время от времени за сеном, якобы для коров, туда заходили и сообщали нам нужные новости. Одна из новостей была такая, что то ли 1, то ли 2 мая Гитлер покончил с собой. Любопытная новость была. Потом 5-го мая хозяин пришел, сказал: «чекайте, хлопцы, ночью придет советский офицер, он вас сбродит, и пойдете бить немцев». Ну, мы плохо спали, естественно, эту ночь, с 5 на 6 мая. Но никакой советский офицер не пришел ночью. Утром глядим — все как обычно. Немцы нас выгнали на поверку, проверили, загнали обратно в сарай. Мы недоумеваем, что и как. И вдруг какие-то новые, не совсем понятные люди с автоматами в руках появились у входа в усадьбу, где мы.

Н. Ф.: А сколько вас человек было в усадьбе? Это ж не весь лагерь, конечно. Это небольшая часть.

И. В.: Небольшая часть. Всего в колонне, которая направлялась в этот Айзенштайн, было, наверное, тысячи две человек. А здесь, в сарае, ну, я не знаю, человек пятьдесят.

Н. Ф.: То есть разбили на маленькие группы?

И. В.: Маленькие группы, да. Собственно, определялось размерами сарая. В сарай сколько влезет, столько и...

Н. Ф.: А где же они столько набрали немцев для охраны? Это же надо к каждому сараю приставить охрану.

И. В.: Рота, наверное, там была. Рота, которая охраняла. Когда нас вели, я помню, что иногда проходили

мы мимо немецких частей. И там молодые ребята, шпана, так сказать, немецкая, уже в военной форме, не без ехидства, значит, подтрунивали над нашей охраной. Что, дескать, отлыниваете от фронта. Тут в тылу водите советских военнопленных, тогда как их надо было всех к стенке поставить и расстрелять. А вас всех надо было на фронт погнать. Мы за вас тут воюем с американцами, с советскими войсками. Вот такие у них были разговоры. Ну вот. В Немилкове 6-го числа появились чешские партизаны. Они сразу по всей деревне распространились, во все дворы.

Н. Ф.: И немцы сдались?

И. В.: А куда им было деваться?

Н. Ф.: Даже не стали отстреливаться, ничего?

И. В.: Ничего. Чехи выбрали святое время для немцев — обеденный перерыв. У немцев строго соблюдалось определенное время, не помню, около часа, что ли. Они оставляли одного — двух человек на посту. А остальные составили в пирамидку винтовки и отправились обедать. Тоже к хозяину обычно, который должен был их кормить, раз уж они на постое, так сказать, оказались вместе со всеми. И в это самое время чешские партизаны явились. Явились они и к хауптману, который тоже уселся было обедать. Хауптман сначала заявил, что я ни в какие переговоры со всякими чешскими бандитами не вступаю, я уже договорился с американцами. Вот кончу обедать и отведу военнопленных всех на территорию, оккупированную американцами. Тогда ему не дали кончить обед, арестовали его. Чехи посадили его в какой-то сарайчик под охрану. И всех остальных тоже как-то очень быстро разоружили.

Н. Ф.: Никто не сопротивлялся?

И. В.: Они не сопротивлялись. У нас, например, так было, что хозяин-чех, который усадил обедать нашу охрану, он всю пирамидку винтовок, которую оставили немцы, всю эту пирамидку в охапку схватил и втащил к нам в сарай.

Н. Ф.: И вас вооружил, получается.

И. В.: Получается, нас вооружил. Хотя специально он не говорил, что нам делать с этим, но мы особенно не вооружались. Мы не очень разбирались в обстановке, все-таки трудно было разобраться. Какие-то непонятные люди появились, двое стоят у ворот в усадьбу, улыбаются нам. Один вытащил пачку сигарет, предлагает. Вот, дескать, кто курящий, пожалуйста. Наши немножко осмелели, вылезли из сарая, подходят к чехам. Те хлопают по плечу так дружески. Угощают, чем могут.

Н. Ф.: А мысли и стремления расправиться с охранниками немцами не было в тот момент?

И. В.: Кое-где были, кое-где были. В соседнем дворе один из пленных, уже освобожденный, подошел к чеху, который, видно, командовал своими людьми, и сказал: «Знаешь, наш охранник, унтер-офицер, что ли, во время марша расправился с несколькими военнопленными, якобы при попытке к бегству застрелил нескольких. Надо бы ему отомстить». Чех его сразу понял, дал ему автомат, тот подошел и выпустил в него очередь. Это было в соседнем дворе буквально. В это время, по-моему, оберефрейтор какой-то, или унтер, может быть, который нашу часть охранял, в это время уже обезоруженный, стоял у входа, на границе между нашей усадьбой и той усадьбой. И он видел всю эту сцену, как расстреляли военнопленные тамошнего охранника. И когда эта очередь раздалась, то он обернулся в нашу сторону, и у него было очень своеобразное выражение лица. Он тут же начал кивать: «Да-да, он нехороший человек был, жестокий человек. Он расправлялся с военнопленными, туда ему и дорога». Это он так стал по-немецки говорить. В общем, давал понять, что он, так сказать, не протестует против этого, но чувствовалось, что он страшно боится, а ну как сейчас начнутся массовые расправы. Но массовых расправ не было. Вот такой случай был.

Чехи нас тут же направили, мы были в этой деревне Немилково, а они нам показали дорогу и проводили в город Клатовы. Город Клатовы, по-моему, упоминается у Гашека. Там у него есть такие главы среди похождений бравого солдата Швейка, анабасис Швейка так называемый, и он как раз пишет Клатовы

и еще какие-то знакомые названия. Знакомые потому, что мы тоже проходили через эти городки.

Н. Ф.: То есть вы своим маршем пошли навстречу к нашим.

И. В.: Мы пошли, куда нас чехи повели. А чехи нас повели подальше от, так сказать, демаркационной линии. Там была демаркационная линия между советскими и американскими войсками. Чтобы мы, паче чаяния, не оказались у американцев. Незачем нам туда.

Н. Ф.: Но они вас не вооружали?

И. В.: Не вооружали.

Н. Ф.: А стрельба еще была или уже всюду тихо было?

И. В.: Ну, не совсем было тихо. В Клатовы нас поместили в бывшую казарму какого-то немецкого кавалерийского полка. Нормальные казармы, там были нормальные койки, даже одеяла сохранились, в общем, мы туда прибыли и расположились. Но ночью вдруг слышим канонаду сначала. Да, перед тем, как расположиться на ночлег, к нам приходили американцы.

Н. Ф.: То есть все-таки получается, что это была оккупационная зона американская? Или американцы сюда прошли?

И. В.: Американцы, в общем, тоже попали, тоже туда проникли. Может быть, разведкакакая-то. Один из американцев пытался с нами объясниться на каком-то ломаном белорусском языке, что ли. Заявлял, что он сам «пинскер», что он, так сказать...

Н. Ф.: Это фамилия, видимо, его была — Пинскер.

И. В.: Фамилия, а может быть, он родом из Пинска, я не очень понял. Что он Пинскер — это он заявлял. Он что-то передавал, что вот генерал Эйзенхауэр приказал освободить всех военнопленных, которые будут попадаться, приказал им оставаться на тех местах, где их освободили, и дожидаться дальнейших указаний.

Н. Ф.: Понятно. А вы и ваши друзья в это время были сильно истощены?

И. В.: Не очень сильно. Кормили нас чехи, конечно.

Н. Ф.: Я имею в виду ваш марш-бросок в этот Айзенштайн, тяжело было пешком идти?

И. В.: Нет, не очень тяжело. Мы двигались уже, тем более, что интересно все-таки было.

Н. Ф.: Хотя вы не знали, что вас ведут к лагерю смерти, фактически.

И. В.: Этого мы не знали. К тому же были в местах, где стычки были у немцев с американцами. Они сталкивались, перестрелки были. Артиллерийская стрельба была. Так вот, ночь на, по-моему, 7, а может, на 8 мая, канонада. Слышим, канонада приближается. Тут уже не до сна. Выскочили на улицу, решили, надо быстренько сорганизоваться. Разбились на роты, взводы. Было нас, по-моему, порядка полка или батальона хотя бы. Сформировали, отправили делегацию к американцам для переговоров, что дескать, судя по всему, канонада-то приближается. Видимо, какая-то немецкая часть движется. Возможно, идет сдаваться к американцам, а может, и какие-то другие у них намерения. В общем, наша, так сказать, делегация пошла к американским командирам предложить свои услуги, что советские военнопленные сорганизованы и готовы, если надо, помочь американцам отразить нападение немцев, если те будут нападать. Дайте нам только оружие, а оружия на территории этого полка валялось много всякого. Так что можно было, конечно, вооружиться. Но американцы очень холодно отнеслись к нашей делегации, сказали, что никакой помощи от советских военнопленных им не надо, они сами справятся, своими силами. Сказали: «Выполняйте приказ Эйзенхауэра, сидите на том месте, где вас освободили».

Мы остались сидеть. К утру канонада стихла, но мне что-то не спалось уже. Я вышел за ворота лагеря, за территорию части, где нас оставили. Иду себе по улице, улица пустая, какая-то машина стоит, как мне

показалось, тоже пустая, легковая машина на этой улице. Я прошел мимо, вдруг слышу, меня окликают: «Влодавец!» Я удивился, оглянулся. Улица пуста, никого нету, ничего нет.

Н. Ф.: По фамилии зовут?

И. В.: По фамилии — Влодавец! Я гляжу, кроме этой машины больше никаких объектов, которые могли бы звать меня. Это просто к числу таких невероятных совпадений, которые на самом деле очень часто происходили. Я решил посмотреть поближе, что за машина. Подхожу к машине, гляжу, там сидит советский офицер. Пригляделся, так это лейтенант Смирнов, с которым мы вместе учились в Академии химзащиты. Тот, значит, меня узнал. Он сказал, что приехал сюда вести переговоры с американским командованием о том, чтоб те убирались за согласованную демаркационную линию, потому что Клатовы должен был отойти в зону советской оккупации.

Н. Ф.: А вы в чем были одеты в тот момент? В этих старинных каких-то обноскох?

И. В.: Нет, уже не в старинных. В этом кавалерийском полку мы нашли склад немецкого обмундирования. Вообще-то это было обмундирование какой-то фельджандармской части, такие голубые мундиры. Но чистенькие мундиры, белье было, всё. И мы все переоделись в свежее чистое обмундирование. Никаких особых знаков различия или признаков национальности тоже не было, но это было не советское. Я в этой фельджандармской форме, в общем-то, приехал и в Москву домой впоследствии. Ну вот.

Я, так сказать, на разведку прошелся по Клатовы, выяснил, что действительно тут одна часть, один квартал занят американскими войсками. А один квартал занят советскими, советской воинской частью. Зашли мы туда, поговорили с комиссаром полка. Тот сказал: «Вы, ребята, по возможности все-таки дуйте к нашим, а то тут непонятная ситуация, целых три власти. Военнопленные бывшие, там их тысячи две человек, тоже сила, в конечном счете. Вот три силы тут в одной точке сошлись, и все непонятно. Лучше двигайтесь к нашим». Помню, в этой части, где мы встретились, это первая действующая советская воинская часть была, у них трагическое событие. Один боец, перелезая через плетень, случайно нажал спуск автомата и застрелил себя таким образом. Уже последние дни войны. Собственно, война уже кончалась. Последние дни были.

Н. Ф.: А что за канонада ночью, так и не выяснилось?

И. В.: Выяснилось, да. Это немецкий танковый корпус, который крепко поколотили. Я помнил названия этого корпуса когда-то, и генерала... можно историю войны посмотреть. Они решили сдаваться американцам и двинулись...

Н. Ф.: Это была территория Чехии еще?

И. В.: Территория Чехии, да. За ними двигался вдогонку советский танковый корпус, кажется 5-й, но не помню точно номер. Их догнали до самого Клатовы, и тут случилось столкновение. Ну, столкновения как такового не было, мирно всё было. Канонада была по дороге, пока наши пытались догнать немцев, немцы отстреливались, естественно. Наши тоже стреляли, артиллерийская дуэль была.

Среди нас были и радисты, они, обыскав склады этого полка, где мы дислоцировались, собрали из нескольких разбитых радиоприемников, а радиоприемники все разбиты были, чтоб нельзя было использовать, но из нескольких разбитых радиоприемников собрали один действующий. На березы натянули антенну и стали ловить Москву, и поймали Москву. И мы послушали как раз, я сам слушал с любопытством, стоял около этого приемника и слушал приказ Верховного главнокомандующего объявить 9 мая Днем победы. Там объясняли ситуацию — война закончена. Это было, конечно, уже серьезно.

Мы на следующий день решили воспользоваться мудрым советом наших, отыскивали начальника штаба партизанских отрядов Клатовской области майора Евтушенко. Пошли к нему, сказали, что нам посоветовали все-таки двигаться своим ходом в советскую зону оккупации, поскольку тут, все-таки, в Клатовы не очень понятное положение, троевластие, и надо отсюда двигаться. Евтушенко сказал: «Ну

что ж, ребятки, вы составьте список вас всех. Я его завизирую, и двигайтесь до железной дороги на Прагу». А до станции железной дороги на Прагу километров полтораста нужно пройти по тем самым местам, где некогда герой Гашека Швейк тоже путешествовал, прогуливался. Мы пока составляли этот список, кто-то спросил: «А правду про вас, товарищ майор, говорят, что вы во власовских частях служили?» Тот усмехнулся, сказал: «Я понимаю, вы хотите выяснить, насколько моя подпись на вашем списке будет одобрительно встречена советскими властями. Не беспокойтесь. Те, кто меня сюда посылал, хорошо знают, как я сюда попал, зачем сюда попал и какие у меня задания. Все будет в порядке». И он письмо начальнику СМЕРШа того танкового корпуса, который наступал вслед за немецким танковым корпусом, вручил нам и заверил список. Сказал, никого из посторонних не вписывайте туда, а тех, кого хорошо знаете, с которыми вместе немцы вас гнали, о тех я могу свидетельствовать. И пошли мы пешком до этой станции. В первой же деревне у нас с чехами братание произошло. Остановились на ночлег, чехи там пели свои песни какие-то: «Ой, тече водичка». Наши пели «Катюшу», еще что-то такое. Как-то очень мирно было. А вот следующие деревни...

Н. Ф.: Я еще хотел спросить, а Евтушенко — это тот самый русский офицер, который вас ночью должен был освободить?

И. В.: По-видимому, да.

Н. Ф.: Вы про него рассказывали, как будто эта фамилия знакома, но она в вашем рассказе не встречалась.

И. В.: Нет. Это потом мы узнали, что есть начальник штаба партизанских отрядов Клатовской области. Такая у него была должность.

А вот в следующей деревне, когда мы входили в наших голубых мундирах, нас встретили какие-то автоматчики. Они выскочили: «Стой! Кто идет? А ну, кто такие?» Пришлось им объяснять. Ну, мы пошли дальше. Дошли до станции через пару дней. Начальник СМЕРШа танкового корпуса получил письмо от майора Евтушенко. Задумался, сказал: «Садитесь-ка, ребятки, на поезд, сейчас стали пригородные поезда ходить до Праги, электрички. Езжайте в Прагу и там разберетесь с советским командованием». Дал нам тоже какую-то сопроводительную бумагу.

Н. Ф.: А вас сколько было в этой колонне? Все две тысячи человек?

И. В.: Наверное, да. Наверное, да.

Н. Ф.: Практически все. То есть таких, чтоб стремились остаться в западной зоне оккупации, не было?

И. В.: Нет, не было. Мы действительно дождались этой электрички, сели в нее и поехали в Прагу. Вагоны были пригородного типа действительно, бесплацикартные. Сидели там какие-то пленные французы, почему-то ехали в Прагу, американцы, и гражданские тоже. Вся эта компания доехала до Праги, а там всех стали распределять на станции. Кому какие апартаменты, кому залы ожидания на пражском вокзале. Куда поместить советских военнопленных бывших <нрзб>. Остались только императорские апартаменты, как их называют-то, господи... в общем, правительственные залы ожидания. Действительно, там были дубовой резьбой стены украшены. Нигде такого не видел. Даже, извиняюсь, в туалете. Были какие-то картины, висели на стенах тоже. Видно было, что это для особо важных. Туда, значит, поместили советских военнопленных. Накормили нас, Красный крест нас поил. Дали по стаканчику супа, жиденький супчик, по правде говоря, был, но ничего.

Помню, меня и капитана Шабанова, еще из Дальвица мы с ним вместе ехали, нас делегировали, сказали, что попробуйте разыскать советское командование и выяснить, что нам дальше делать. И мы с ним уселись в трамвай. Тогда, после событий в Праге, а в Праге бои как раз были незадолго перед этим и недавно кончились, и только начал восстанавливаться городской транспорт. Сели в трамвай, нам на дорогу дали несколько чешских крон, откуда-то нашли. Уже у пленных оказались, и нам дали. Мы даже вытащили эти кроны, дескать, билеты возьмем. Но кондукторша, увидев, что мы русские военнопленные, сказала: «Что вы, что вы, бесплатно поедете». Все пассажиры, которые ехали в трамвае, тесно было, давка, но увидев двух военнопленных советских, уступили места нам. И мы, как баре, уселись

и доехали до Праги... 12, по-моему, Дейвице. Районы Праги, они по номерам, и у них свои названия каждого района. Нам сказали что: «Русови воински велительство, оно в Прага 12 Дейвице, выходите там». Мы вышли, нашли это «Русови воински велительство», там комендатура была. Я уже после узнал, что комендантом Праги был Толя Сучков из нашей группы в университете, мы вместе с ним учились. И в академии он тоже учился вместе со мной.

Н. Ф.: Не встретились?

И. В.: Не встретились, нет. Но в комендатуре нам сказали: «Вы, ребята, знаете друг друга, выходите, возвращайтесь на пражский вокзал, стройтесь и идите сюда строем, маршируйте по улицам. А мы вас встретим и покажем, куда размещаться». Вот с такими несколько неопределенными заверениями мы вернулись с Шабановым на вокзал. На вокзале публика нас ждет. Никто толком не знает, что, куда и как. Мы сказали, что давайте построимся и двинемся. Построились, отправились маршем по Праге, идем, не очень хорошо зная, куда мы идем. Но едва успели сделать несколько шагов, как нам тут же командуют: «Стоп, стой». Советские автоматчики остановили нас, сказали: «Идите за нами». В общем, наша колонна двинулась на этот раз под охраной советских автоматчиков. И чехи с некоторым недоумением глядели, что это за люди в голубых мундирах фельджандармских идут по улице, и их, вроде как, конвоируют советские автоматчики. Один другого спрашивает: «Це те такеу?» Другой говорит: «Це русовы бандиты». Решил, что это власовцы или что-то в этом духе. Так и не поняли они.

Н. Ф.: А как же они узнали, когда вы ехали в трамвае, вам место уступали?

И. В.: Тогда поняли. Но мы по-русски разговаривали, и все-таки чехи...

Н. Ф.: Русский понимают.

И. В.: Немного разбираются, сразу поняли, что и как. Но вели нас не очень далеко, привели в пражскую филармонию и там разместили. В филармонии перед этим какая-то немецкая часть размещалась. Я видел, видимо, немецкий офицер, там себе кабинет оборудовал отдельно. Туда я заглянул. У него были разные книги интересные, которые меня заинтересовали, например, собрание сочинений Льва Толстого на немецком языке. Нашел учебник физики Гримзеля. Учебник, известный нам, русский перевод, мы использовали его, когда учились в университете еще на первом курсе и курс физики проходили. Я не удержался, утащил этого Гримзеля. Утащил какую-то книжку «Курс высшей математики» и нашел Гитлера «Майн кампф». И тут же начал читать, сообразив, что, наверное, это моя последняя возможность эту знаменитую книгу все-таки посмотреть (*усмехается*). Что там сам Гитлер-то пишет.

” Но мои товарищи на меня посмотрели очень косо и подозрительно как-то. Дескать, что это такое, война кончилась, а он ухватился читать Гитлера. Я понял, что раз так, придется оставить Гитлера в этой филармонии.

Прочитал так несколько страниц навывлет. Математику себе оставил, Гримзеля тоже оставил, физику. А Гитлера пришлось оставить там. Потом нас, на следующий же день, пешим порядком выставили и повели до ближайшей железнодорожной станции, которая вела уже на север, к границам Чехословакии. Мы пешим порядком тоже дошли до станции Млада-Болеслав, такая станция была по шоссе. Там уже по дороге на этом шоссе...

Н.Ф.: Тоже под охраной?

И.В.: Тоже под охраной, да.

Н.Ф.: Какое было чувство, вот вы к своим пришли, а тут охрана. Вы что ощущали, так и надо или все-таки как-то недоумевали?

И.В.: Не очень приятно, конечно, что под охраной, особенно когда чехи говорят: «Под охраной русовы бандиты». Но в уме соображали, насколько известны нам наши отечественные порядки, что в принципе могло быть и хуже. Так что ничего страшного особо пока нет. Когда нас вели по шоссе в северном направлении от Праги, то многие офицеры, командиры частей советских, которые попадались нам навстречу, останавливали нашу колонну и спрашивали, есть ли у нас трактористы, или есть ли у нас водители машин, шоферы. «Дескать, наш полк неуконплектован такими специалистами, поэтому мы вас тут же зачислим в нашу часть, и вы избегнете всяких неприятных процедур, которые вам еще предстоят».

Н.Ф.: Упоминали о том, что еще процедуры могут быть.

И.В.: Да. Так мы дошли до Млада-Болеслова, там часть пути проехали на поезде, приехали в Циттау. В Циттау тоже переночевали. Переночевали в каком-то бывшем лагере, по-моему, французских военнопленных. Так получилось, что в Циттау тоже троевластие. Там была граница Чехии, Польши и, собственно, будущей ГДР, Пруссии вроде как. И советские части были в Пруссии, в Польше уже какая-то своя польская армия формировалась. И в Чехии тоже свои пограничники были. Причем, были какие-то репатриационные власти, в которых был свой спецотдел, где тоже составляли какие-то списки. Помню, в этом Циттау некоторые пленные глупо погибли. Пили спирт, который немцы, уходя, оставляли в бутылках. А спирт, как правило, был метиловый.

Н.Ф.: Они специально оставляли?

И.В.: По-видимому, специально оставляли, рассчитывая, что русские наверняка не удержатся. Помню, человек выпил спирта этого, уселся на скамейку и встать уже не мог. Так и умер на этой скамейке нелепо.

Пробыли мы в Циттау пару дней. Оттуда опять пешком порядком нас повели в Баутцен. Там мы застряли надолго, пожалуй, на месяц, а может и больше. Да, до июля месяца мы точно там были, до середины июля. В Баутцене.

Н.Ф.: Возможность написать родителям, что я жив-здоров, была?

И.В.: Да, в Баутцене уже была. Там репатриационные органы уже работали, и были сформированы батальоны из бывших военнопленных. Нас в Баутцене разместили в католической семинарии. Этим батальонам были присвоены номера почтовых ящиков, и нам разрешили писать домой. Я написал в два места. В Миасс, куда были эвакуированы мои родители и сестра. Ну, и на всякий случай в Москву. Поскольку 45-й год был, я подозревал, что, наверное, эвакуация уже прекратилась. И действительно был прав. Они сначала получили письмо именно в Москве.

Н.Ф.: Уже были в Москве?

И.В.: Уже были в Москве. Но ответов мы не получили там. Хотя я писал почтовые ящики, но толку с этого мало было. Потом объявили, в июле месяце, примерно в середине июля объявили, что предстоит поход на Советский Союз, нужно двигаться.

Н.Ф.: Я не понял, откуда было известно, что Евтушенко воевал с власовцами?

И.В.: Не знаю.

Н.Ф.: Просто кто-то из ваших знал?

И.В.: Кто-то из наших знал, да. Какой-то слух, откуда-то, не знаю. И задал прямой вопрос. Он на него прямого ответа не дал, но не исключено, что его специально подсылали с каким-то заданием. Кстати, власовцев мы тоже встречали по дороге. Мы еще были в плену, а власовцы все старались выразить свое благосклонное отношение к нам.

Н.Ф.: То есть когда вас в этот Айзенштайн гнали?

И.В.: Да-да. Сигаретами угощали, еще чем-то, какими-то галетами иногда.

Н.Ф.: А ведь их как раз очень много сдалось в Чехословакии.

И.В.: Ну конечно.

Н.Ф.: Они не попали в то же место, где вы? Их где-то отдельно держали?

И.В.: Это я не знаю. Они тоже, конечно, подлежали репатриации, так или иначе. Но как?

Н.Ф.: Не в том же месте, где вы, понятно.

И.В.: Нет. Там проверять нечего было. Они были военнослужащими, которые воевали на стороне немецкой — немцев и их союзников, они были союзниками немцев.

Так вот, объявили, что скоро придется ехать в Советский Союз. Опять трагикомические истории. Народ бывалый уже, знают, как путешествовать. Самым удобным средством передвижения оказалось что? Детская коляска.

Все убедились, что во время пеших походов все-таки барахлишко, которое удастся подобрать, или провизию, которой удастся где-то разжиться, удобнее всего тащить в детской коляске. Такой вид транспорта. Можно, конечно, в рюкзак положить, но это совсем другое. А тут коляска, легко катишь себе, удобно.

Поэтому в Баутцене началась охота за детскими колясками. Делалось это обычно так: двое репатриантов, то есть бывших военнопленных, идут по улицам, замечают фрау, которая катит коляску с ребенком. Один из них подходит, начинает восхищаться: «Oh! Schönes Kind!» Берет младенца на руки и демонстративно демонстрирует свое восхищение: какой, значит, младенец замечательный. Фрау тоже удивляется, что тот так восхищен ее дитем, а второй репатриант в это время хватает коляску и убегает с нею. Тогда тот, который оставался с младенцем, возвращает младенца несчастной фрау и, так сказать, прощается с ней. Вот таким образом грабили жительниц города Баутцена, запасаясь транспортом на долгую дорогу в Советский Союз.

Н.Ф.: Вы считали, что пешим порядком пойдете?

Спецпроверка

И.В.: Все думали, что, наверное, так же, пешим порядком. Но тут явился советский лейтенант, в дымину пьяный. Он заявил, что ему поручено сопровождать колонну советских бывших военнопленных, а ныне репатриантов до места назначения, где вы будете проходить спецпроверку.

Н.Ф.: Заранее объявили, что спецпроверка будет?

И.В.: Да. А поедем мы на поезде от железнодорожной станции, которая на окраине города Баутцена находится. И этот начальник эшелона отправился к месту погрузки. Все туда бросились с этими детскими колясками. Прибыл товарный эшелон. Но он не товарный, наполовину он состоял из пассажирских вагонов, половина была товарные вагоны. Американские, кстати, товарные вагоны, которые легко, видимо, разбирались, которые из Америки в Европу были привезены специально, чтобы можно было использовать европейские железные дороги.

Все погрузились. У этого лейтенанта были свои младшие командиры, которые подходили и докладывали ему, что, дескать, так и так, такое-то подразделение репатриантов погружено.

Лейтенант пожелал посмотреть, поглядел на эшелон и обалдел — он весь был облеплен детскими колясками. Они были на крыше, на окнах, везде, где можно было их как-то прицепить, детские коляски.

Лейтенант тут же дал первую команду: «Убрать». Сняли коляски с поезда и организовали их раздачу женщинам, до которых каким-то образом дошел слух, что у железнодорожной станции всем пострадавшим, так сказать, раздают детские коляски обратно за ненадобностью. И тут из Баутцена к станции побежали толпы несчастных фрау, которые разыскивали свои коляски и возвращались с ними домой. Из военнопленных, из репатриантов была комиссия устроена, которая строго смотрела за порядком, чтоб не дрались, чтобы каждая фрау получала именно свою коляску, а не какую-нибудь не ту.

Раздали коляски, уселись в вагонах. В вагонах было страшно душно. Стали лезть на крышу. Я, например, тоже залез на крышу. Не для всех поездка на крыше оканчивалась благополучно. Один бывший военнопленный, который остался в живых и дожил до окончания войны, со знатной фамилией Суворов, ехал на крыше, проснулся, встал во весь свой богатырский рост, и тут же снесло ему голову, поскольку поезд подъехал под какой-то виадук или под мост. Эшелон остановили, выкопали могилу, похоронили его. В дымину пьяный лейтенант произнес речь: «Я для них стараюсь, у военных комендантов на станциях выпрашиваю муку и крупу для того, чтобы прокормить, а они тут разбиваются по дороге».

Н.Ф.: Как будто специально.

И.В.: Как будто специально, да. Потом мы поехали. Ничего, я приучился на крыше лежать, держась за вентиляционные трубы, которые выходят на крышу даже из товарного вагона.

Н.Ф.: Не холодно было?

И.В.: Нет, середина июля месяца. Так потихоньку доехали до пресловутой станции Опухлики, что близ города Невеля Великолукской области. Там нас встретили с оркестром. Какой-то комиссар произнес речь, что: «Вот, мол, сюда вы прибыли для того, чтобы пройти проверку. Те, кто в результате проверки окажутся кристально чисты, будут отпущены по домам». Что будет с остальными, он не сказал. Поздравил нас с прибытием на Родину. Мы построились в колонну, большая колонна получилась, и отправились пешком в ту воинскую часть, в которой нам предстояло провести время, где должны были проводить проверку. Когда подходили к части, увидели колючую проволоку. Воинская часть окружена была колючей проволокой. Тут невольно вся колонна завывала: «У-у!» Для военнопленного хуже, чем колючая проволока, нету предмета (*посмеивается*). Кто-то из военнопленных, помню, в свое время твердил пословицу, что «Германия — это страна эрзацев и колючей проволоки». Он несколько преувеличивал, может быть, но так или иначе мы оказались в частях 1-й Горьковской запасной стрелковой дивизии.

Здесь тоже разрешили переписку с родственниками. И через некоторое время мы начали получать ответы. От родителей все было хорошо. А вот женатым часто приходили такие ответы: «Ах, дорогой, я так рада, что ты, оказывается, жив. А я считала, что ты погиб, на тебя пришло извещение, что ты пропал без вести давно, больше никаких сведений о тебе не было. Я решила, что ты уже погиб, и вышла замуж».

Получившим такие письма приказано было обнародовать их, и все тут же кричали: «Ура!» Поздравляли — новый холостяк появился, и качали. Принято было качать новоявленного холостяка.

Н.Ф.: Это кто придумал? Сами...

И.В.: Сами военнопленные, да.

Н.Ф.: Чтоб как-то скрасить удар?

И.В.: Чтобы скрасить этот удар. Чтобы не хныкать, не плакать, дескать, мне пришлось и хуже переносить испытания.

Н.Ф.: Какой процент, примерно, из женатых военнопленных получали такие письма? А какой процент дождались? Как вам кажется? Ну, примерно?

И.В.: Примерно, я думаю, что процентов двадцать — двадцать пять, наверное, не дождались. Мне известны конкретные случаи.

В этих Опухликах мы разместились в землянках, нашли нам занятие, например, я был в такой команде, которая занималась... мы кипятили воду. Кипяток всегда нужная, так сказать, вещь. Водопровода в землянках не было. Были водопроводы возле, недалеко, в честности, были такие пункты, где были водопроводы. Там мы должны были разводять костры, на эти костры вешали специальные сосуды, где кипятили воду. А потом кипяток разливали всем желающим. Раздавали им заварку, но это не мы уже, где-то они ее получали и чай себе устраивали.

Помню, что спали мы в землянках на нарах, и недалеко от меня такой по фамилии Иванов, Ярослав. Познакомился я с ним, он получал письма тоже от жены. Она ему сначала писала про сына, что сын его читать научился, уже Евгения Онегина наизусть читает. А потом сознавалась: «Вообще-то я думала, что ты пропал без вести, что ты погиб, и вышла замуж». И надо же, потом я познакомился с этой женщиной, она, оказывается, работала в карповском институте, куда я попал в аспирантуру. И познакомился с ее мужем, новым мужем, как же (*вспоминает*) Христофор... армянская фамилия, вылетела из головы. Вы хвалили меня, но зря. У меня многие фамилии и имена вылетают, а надо было бы... Известный химик, член-корреспондент Академии наук. А Иванов этот, кстати, сам, по-моему, кончал авиационный институт, в плену был на острове Узедом. Это остров в Северном море, по-моему, где немцы испытывали свое ракетное оружие «Фау-2». И он бежал с острова, это известный был побег.

Н.Ф.: Я читал об этом, да, на самолете.

И.В.: На самолете, да. Там один был летчик среди них, и он угнал самолет. Все равно все подлежали проверке. И этот Иванов оказался в Опухликах и получил там известие. И я получил первые письма от родителей, и дальше родители, конечно, стали думать, как бы посмотреть, как бы узнать поподробнее что-то. И однажды вдруг весь лагерь, вся дивизия передает из уст в уста, что ищут Влодавца, к нему приехала мать. Ничего себе. Дошло и до меня. Я побежал к проходной, там колючая проволока была, КПП, как полагается, нас охраняли. Побежал на КПП.

Н.Ф.: А вышки были?

И.В.: Вышек в этом лагере, по-моему, не было. Было там попроще как-то. Ну, одним словом, побежал я на это КПП и вижу, действительно, мама стоит растерянная и ждет. Ей сказали: «Подождите, сейчас найдут». Мать каких-то гостинцев мне привезла, потом попросила, чтоб я проводил ее к начальству этой дивизии. Я проводил, она там...

Н.Ф.: А ее внутрь пустили?

И.В.: Ее внутрь пустили, да. Она поговорила там с начальником СМЕРШа, тот посмотрел документы, сказал: «По нашей части мы все, что могли уже сделали, проверили, нет только подтверждения воинского звания. Так что нужны эти документы, мы ждем, когда документы придут из архивов». Я помню, что с матерью мы ходили, гуляли до самого позднего вечера. Потом нам посоветовали, что все-таки надо мать устроить на ночлег. Мы, значит, в ближайшую деревню сходили, там уже привыкли, что приезжают родственники, пустили нас на сеновал. Мать не хотела меня отпускать. А я совершенно забыл, что нужно явиться на вечернюю поверку. Командир, который нас опекает, наше наскоро созданное подразделение, будет волноваться. Но командиру указали дорогу, и он прямо на сеновал этот, гляжу, залез. Я перед ним извинился: «Дескать, извините, я совсем забыл, что нужно на поверку, опоздал». Он махнул рукой,

сказал: «Ничего, явитесь на утреннюю поверку, только не забудьте».

Н.Ф.: На «вы» говорил с вами?

И.В.: Да. «Оставайтесь здесь ночевать». Убедился, что...

Н.Ф.: Никуда не исчез. А скажите, пожалуйста, вы помните случаи, когда люди не проходили проверку? Среди ваших знакомых, среди вашего окружения. Или вы достаточно быстро прошли, и таких, которые не прошли, не помните?

И.В.: Прошли или не прошли, я не знаю, но был другой случай. Это несколько позже, я к этому вернусь, расскажу.

Н.Ф.: Хорошо.

И.В.: Про Колю Полянского.

Н.Ф.: Коля Полянский.

И.В.: Да. Запомните это. Я про него расскажу потом. Это особый случай. А в Опухликах, значит, мать переночевала, утром мы с ней простились, она уехала в Москву обратно. Я явился на поверку к командиру. Примерно через неделю снова крик по всей дивизии, ищут Влодавца. К Влодавцу явился отец. Он мне сообщил, что мать хотела как-то ускорить мое вызволение из Опухликов и пыталась найти дорогу к военным архивам. Но тут один из ее учеников, кажется, по фамилии Шувалов, сам являясь военным служащим, приехал в командировку в Подольский военный архив — главный архив Советской армии. Тоже нужно было какие-то документы в этом архиве найти, снять копии и везти сюда. Он навел свою учительницу бывшую, Ольгу Станиславовну, мою маму. А та ему рассказала, узнав, что он едет в архив, что ей, чтобы вызволить сына, нужно его документы найти. Он пообещал, что попытается найти и действительно нашел документы в архиве. Все, которые касаются... в том числе документы о присвоении мне воинского звания, документы о прохождении военной службы, о том, что я окончил военную Академию химзащиты военного времени и так далее. Снял копии по всем правилам, поскольку в командировке аналогичные документы ему нужны были. И моей матери отвез это все. И мать тогда отправила с этими документами отца.

Н.Ф.: А сестра когда к вам приезжала?

И.В.: А сестра позже приехала. Ну, отец поговорил и передал эти документы начальнику СМЕРШа, тот сказал: «Теперь, кажется, все. Мы посмотрим, и если все там в порядке, то ждите». Они ждут, никто не едет. Тогда мать решила последнюю командировку — отправила мою сестрицу. Ей тогда было, в 45-м году, двадцать два года. Я вам рассказывал, что было дальше. Она приехала в эти Опухлики, явилась к начальнику СМЕРШа, тот заинтересовался: «Что вы хотите? Зачем вы сюда приехали?». Она сказала: «Я приехала сюда забирать своего брата». Тот спросил: «Как фамилия вашего брата? — Влодавец Игорь Николаевич». Тот куда-то позвонил или посмотрел, и говорит, что, дескать, «у него там все в порядке, но только не хватает еще некоторых документов, в частности, подтверждения воинского звания». И тут она сказала: «А эти документы лежат у вас в верхнем правом ящике письменного стола».

Н.Ф.: Вот конец батарейки на самом интересном месте, но эту историю, правда, вы мне рассказывали.

И.В.: Да, это я рассказывал.

Н.Ф.: Я хочу уточнить (*смотрит записи*). Как звали Фогеля и Поппа? Или только фамилии?

И.В.: Только по фамилиям я запомнил. Более того, уже возвратившись домой, я послал какое-то письмо...

Н.Ф.: Туда, в Богемия? Но всех немцев выселили же из Богемии?

И.В.: Вроде да, но не из Богемии, из Судетской области.

Н.Ф.: Из Судетской области, да. Из Судетской области их всех выселили. А вы не помните отчество Виктора

Полуэктова?

И.В.: Нет, не помню.

Н.Ф.: Иванов Иван Павлович... Василий Иванович Поповичев... а Лопаткина как было имя отчество?

И.В.: Не помню.

Н.Ф.: А какая судьба Алексея Григорьевича Поти?

И.В.: Точно не знаю.

Н.Ф.: Но он с вами был в этой колонне?

И.В.: Не совсем так...

Н.Ф.: В Нойдек он же попал с вами?

И.В.: В Нойдек он не попал. Это было в Дальвице. Но с большинством тех, кто был в Дальвице, я снова встретился в Баутцене. Мы жили уже в Баутцене некоторое время, в том числе та десятка, которая в Нойдек отправилась. И однажды я встретил колонну. У них там были впряжены какие-то волы или коровы, может быть, в телеги. И целые телеги с каким-то барахлом ехали. И вот вся наша команда из Дальвица тоже прибыла в Баутцен, и там были... но они как-то несколько особняком от нас. Другое репатриационное подразделение.

Н.Ф.: А этого Сайфиулина, что с ним сделали?

И.В.: Сайфиулина? Ничего, по-моему, не сделали.

Н.Ф.: И он как бы стал помогать своим? Но точно неизвестно, как он и что.

И.В.: Я знаю, мне рассказывал кто-то... ага, Анисимов рассказывал, что они хотели что-то вроде карательной экспедиции организовать. Нашли какую-то легковую машину и решили отправиться специально...

Н.Ф.: А Анисимов — это кто, я забыл?

И.В.: Анисимов был переводчиком после меня, после того как меня сочли непригодным, так как я не дрался. Ну и, по правде говоря, многие пленные тоже были недовольны, что я, по их мнению, плохо отстаивал их интересы, переводя. Как отстаивать интересы пленных? Это не так-то просто. Не сумел я найти общего языка с немецкими командирами.

Из интересных, колоритных, так сказать, фигур, хотел бы вспомнить Михаила Алексеевича Бирюкова, который прославился тем, еще в Дальвице, что он рассказывал на ночь разные истории, которые все с интересом слушали, вся команда. У него была отличная память, он много читал, главным образом приключенческой литературы как раз. И он пересказывал все, его с удовольствием слушали. А он был крупный человек такой, и решили, что ему нужно в награду за просветительскую деятельность лишний черпак баланды дать. Ему, значит, лишнюю порцию баланды...

Н.Ф.: Каждый день?

И.В.: Каждый день давали, да. Он до войны был, по-моему, чуть ли не директором московского мясокомбината. А после войны он был в Москве в должности заместителя директора 2-го Медицинского института. Я с ним встречался в Москве уже несколько раз. Он пользовался особой популярностью, потому что был...

Н.Ф.: Рассказчик заметный.

И.В.: Рассказчик, да. Он пересказывал многих классиков. И еще интересный был Леня Родионов. Он был артист саратовского ТюЗа — театра юных зрителей. Он знал много разных песен. Ему разрешили...

немецкие рабочие в Дальвице подарили ему гитару с разрешения немецкого командования, я уже говорил — сентиментальные немцы разрешали петь все, что угодно. И этот Леня Родионов много интересных песен знал, в том числе особенно близкая была песня и очень, так сказать, пессимистическая — это песня бывших военнопленных, советских военнопленных, которые попали в плен во время русско-финской войны. Советско-финской войны 39-го — 40-го годов.

Н.Ф.: Что это за песня? Вы помните слова?

И.В.: Некоторые помню слова. Там начиналось что-то примерно так: «Не для нас заиграют баяны, / Не залить наше горе вином, / Не видать нам уже ресторанов / Из-за решетки с высоким окном. / Разговор с нами будет короткий, / Весь вагон по частям разобьют. / И кой-кому кичевать за решеткой, / А кой-кого уж, конечно, пришьют...» Вот такие слова песни. Мелодию я сейчас боюсь повторить, я неправильно, наверное, спою. Но вот такую песню знал этот Леня Родионов.

Н.Ф.: Да, в плену довольно пессимистически звучала.

И.В.: Он рассказывал, что, дескать, всем военнопленным, которые попали в плен во время финской компании, туго приходилось. Такие вот дела. Так что мы с тревогой ожидали, а что ж с нами будет дальше. Оказалось вот так. Я вам рассказывал, как моя сестрица меня вытащила оттуда.